

УЧАСТЬЕ

Вот-вот и к нам придет ненастье,
Поскольку ветер все свежей...
Я не прошу к себе участия —
Оно не нужно мне уже.
Твое участие — как несчастье!
Оно от стрессов не спасет.
Судьбы осколочное счастье
Душа, увы, не соберет.
Оно разбилось, как о горе
Лавинное... Нас не спасти.
С тобою можем только вскоре
К покою вечному брести.
И то — вразброд... Не то что раньше,
Где были мы вдвоем всегда...
Казалось нам, что счастье — дальше,
Оно не здесь, а в городах,
За горизонтом, в дымке синей,
Почти за тридевять земель...
А здесь от скуки — сердце стынет,
Здесь день — сплошная канитель,
Не говорю уже о ночи,
Когда в сгущающейся мгле
Душа вдруг высказаться хочет
О том, как мало на земле
Прощали мы с тобой друг друга,
Не зная, что там впереди:
Надлом духовного недуга
Иль завершение пути
Среди увянувшей природы,
Явившей суть свою тогда,
Когда разверзлись неба своды —
И пали нам на плечи годы,
Как водопадная вода.

Геннадий Сергеевич Морозов родился в 1941 году в г. Касимове Рязанской области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Работал в геологических экспедициях в Карелии и Якутии и редактором художественной литературы Лениздата. Поэт, переводчик, детский писатель. Является автором книг стихов и прозы. Член СП. Почетный гражданин города Касимова. Живет в Санкт-Петербурге.

ПРИЛЕТ ГРАЧЕЙ

Сегодня день не снегопадный,
 А тихий, солнечный... С утра
 Грачи гнездятся... Сердце радо!
 Пришла прощания пора
 С зимой, метельной и морозной.
 И затяжной и продувной.
 Ее суровые угрозы
 Я часто слышал за спиной,
 Когда спешил тропинкой к дому
 По нашей улочке кривой,
 Где было так мне все знакомо,
 Но как бы виделось впервой:
 И в небе облачные груды,
 Что гроздились, словно льды,
 И ветряные перегуды,
 И вольный переплеск воды
 В уже оттаявшей канаве,
 В реке, пруду или ручье,
 Куда свой теплый луч направил
 Денек, дремавший на плече
 У похудевшего сугроба,
 Что таял, таял... И — потек...
 Оврага влажного утроба
 Весенних, шумных вод поток
 Прияла... И залили воды
 Поля, где борозды черны,
 Где даль, сливаясь с небосводом,
 Являла веянье весны,
 Где распахнувшиеся выси
 Прозрачной синью налились...
 А вслед за водами — и мысли
 Рванулись! И — оборвались.

* * *

Шумит последний летний дождь —
 С ненастным небом растается.
 И по земле проходит дрожь
 И в сердце болью отдается.
 Друг к другу жмемся все тесней.
 И все тревожней наши взоры...
 В грозу нам видится ясней,
 Как широки у нас просторы!
 Как широки! Не охватить
 Ни нашей памятью, ни мыслью,
 Как не найти живую нить,
 Что единит с небесной высью.

ПОПЫТКА ПРОЩЕНИЯ

Те женщины красивые, которых
Я так любил, состарились они.
Угасли их взывающие взоры
Среди мирской, пустяшной толкотни.
Нет, нет, они, конечно, не забыли,
Как мне дарили трепетную плоть...
Они меня за многое простили,
Поскольку их самих простил Господь.
Я тоже у него прошу прощенья...
За все грехи, о Господи, прости!
Сломи гордыню! Дай мне утешенья,
Спрями к Тебе ведущие пути.
Я нынче утешаюсь самым малым,
Словесный зов в душе своей храня...
Нет у меня ни злата и ни славы,
Зато есть хлеб духовный у меня,
Да чувства чистые, что я когда-то
С любимой разделял... Ну а ее
Науськивал бесенок нагло вато:
«Очнись! Его признания... вранье!»
Как странно! Я ничуть не оскорбился!
И злым не стал от злобы и хулы,
Но вдруг почувствовал, как весь преобразился,
Как будто надо мною засветился
Тот зыбкий луч, что вырвался из мглы.

ОБЛАСКАН БОГОМ...

Поэзия, среди твоих имен
Есть дивный песнопевец! Это он,
Есенин, чья мятежная душа
Со скоростью – стремительной – стрижа
Мелькала, словно гибельная тень
Всех разоренных сел и деревень.
Провидец, забияка и шалун,
Сшибавший с неба шапкой... сотни лун.
Как только новенькая выглянет луна,
Есенин вспыхивал, крича: «Обречена!»
И шапка вверх летела... Свист и визг!
Поэту подмигнув, смеялся лунный диск.
«Что скалишься? – с ребяческим азартом
Он восклицал: – Я ставлю жизнь на карту!
К примеру на... бубнового туза.
Не пью. Женюсь. Встаю под образа...»
...То был загул, безудержный кураж
С безумной бесшабашинкою... Наш!

Резвился и шумел гуляка и проказник,
Весь — нараспах — как яркий русский праздник!
На сцене, распаясь, кричал: «Темно в стране!
Но строчечка, светясь, еще журчит во мне...»
Дурачась, как он радостно любил
Ласкать собак и целовать... кобыл.
А женщин утешал: «К поэтам — не лепитесь,
Одумайтесь, дурашки, оглянитесь
На тех предшественниц, что полюбили стих,
Они несчастны... Не судите их.
А мне не льстите! Извините, вы лукавы...
Я шел по жизни то налево, то направо.
А вот куда идти, то знает лишь Христос.
Но в год семнадцатый, в разгар кровавых гроз,
Чуть не угас во мне тот робкий огонек
Любви и веры... Красный вихорек¹
Святую Русь пронизывал насквозь...
Мой путь вихляв — одна сплошная скользь».
Таков Есенин... Он — один! Особой стати.
И в строчках удалец, и с барышней в кровати.
Обласкан Богом он! А славою любим.
Мог только Пушкин потягаться с ним,
С его свирельным, чутким, певчим даром...
Дар для него явился тем пожаром,
Что выжег душеньку нежнейшую дотла...
Есенин знал, что в мире лжи и зла
Коль в Слове — свет, Бессмертие — зола.

¹ Имеется в виду революционный вихрь 1917 года.